

Всё верно, такой человек, как Ци Фэйжань, не боялся ничего. Слышал, что вступительные экзамены в вузы в стране сложные, но он без колебаний вернулся и сдал их. Ножи и пистолеты ему уже наскучили, поэтому он увлёкся арбалетами весом в несколько десятков килограммов. Его желания были сильны, он любил острые ощущения, и если что-то его интересовало, для него не было ничего невозможного.

Линь Шисинь, словно страус, никогда не пытался выяснить, что именно происходило с Ци Фэйжанем за границей. Он также не хотел, подобно женщине, требовать от него верности. Возможно, с самого начала их отношения в его сердце были чем-то вроде «пей сегодня, ибо завтра можешь умереть».

Он, словно цветок глицинии, с радостью обвивался вокруг Ци Фэйжана, восхищаясь его мускулами, вглядываясь в его чётко очерченное лицо и преклоняясь перед его изяществом. Ци Фэйжань воплощал его эстетический идеал, он был таким же свободным и дерзким, как он мечтал. Восхищение им было подобно восхищению великолепием «Предисловия к Павильону Принца Тэна» или удалью «Пей вино!».

Он однажды сравнил Ци Фэйжана с самым крепким вином. Такое вино стоило того, чтобы выпить его в самый молодой период жизни.

Он побежал в гостиную, взял нераспечатанную бутылку красной «Эрготоу», которую его мать принесла в жертву отцу на Новый год, и принёс её в спальню. Отвинтив крышку, он сделал глоток. Крепкий алкоголь обжёг горло, словно ножом прошёлся по всему рту. Он резко выплюнул вино, и слёзы брызнули из его глаз.

На следующий день Линь Шисинь опоздал в школу больше чем на час. Впервые проснувшись после похмелья, он ощущал не только сильную головную боль, но и полное разочарование, исходящее из каждой клетки его тела.

После урока он, не желая, чтобы Ци Фэйжань его допрашивал, притворился спящим, лёжа на парте. Завибрировал телефон, Ци Фэйжань прислал сообщение: [?]

Он ответил: [Всё в порядке, просто проспал.]

Сзади Цзян Пэн снова толкнул его стул ногами:

— Эй, передний, передний!

— Что? — слабо отозвался Линь Шисинь.

— Как тебе ездится на Maserati? — с улыбкой спросил Цзян Пэн.

Линь Шисинь сел, вспомнив, что Ци Фэйжань избегал объяснений о происхождении этой машины. Он тихо спросил Цзян Пэна:

— А что с этой машиной?

— Твой муж тебе не рассказал? Он её выиграл. Доу Ци чуть не стал жертвой «зажигания небесного фонаря».

«Зажигание небесного фонаря»? Разве это не пытка? Раздеть человека, бросить в масляный чан и поджечь?! Он не знал, что в карточной игре это выражение имеет другой смысл.

Линь Шисинь содрогнулся:

— Но это же просто игра в карты, как это может быть так ужасно?

— Да, Ци Шао проявил милосердие и в итоге забрал у него только машину.

— А если бы он проиграл, что бы он потерял? Тоже бы его «зажгли»? — спросил Линь Шисинь.

— Если бы он проиграл, — с хитрым выражением лица сказал Цзян Пэн, — тебе пришлось бы сопровождать Доу Ци за выпивкой.

Линь Шисинь замер. Оказывается, вчера, без его ведома, он тоже стал участником этой игры — его поставили на кон.

Он резко поднял голову и с гневом уставился на Ци Фэйжана. Тот, держа в левой руке лист с заданиями, быстро писал правой. Уловив его взгляд, он поднял глаза и с недоумением посмотрел на него.

Линь Шисинь тут же повернулся и снова лёг на парту, сжимая кулаки от злости.

Линь Шисинь с юных лет был известен как «любимец небес». Он всегда был отличником, более десяти лет оставался лучшим учеником, рос в любви Линь Юэя, похвалах учителей и зависти одноклассников. Теперь его статьи уже прославились, у него были тысячи поклонников в интернете, и он был чрезвычайно горд. Несмотря на бедность своей семьи и необходимость содержать два домохозяйства, он всегда полагался только на свои руки и ум. Никогда его не унижали, и он не мог поверить, что в глазах других он был всего лишь разменной монетой! Как та самая Maserati, которую можно было в любой момент отдать другому!

Он снова вспомнил, как вчера все присутствующие смотрели на него, и от злости его зубы начали скрежетать.

На уроке китайского языка его мысли были в полном хаосе. Учитель вызвал его ответить на вопрос, но он ответил невпопад. Когда его попросили прочитать стихотворение наизусть, он запутался и соединил два стиха в один, сделав это так искусно, что все одноклассники рассмеялись. Учитель, который всегда его баловал, с улыбкой поругал его за дерзость и искажение классики.

После урока он снова лёг на парту, притворяясь мёртвым. Ци Фэйжань подошёл к нему и потрогал его руку:

— Ну, с рукой всё в порядке. Ты пролежал всё утро, не хочешь выйти подышать?

Линь Шисинь, положив голову на руку, не хотел смотреть на него. Его руки были в руках Ци Фэйжана, и он почувствовал отвращение, отнял их и спрятал в карманы, пробормотав:

— Всё ещё хочу спать.

Ци Фэйжань предположил, что прошлой ночью он, вероятно, изучал материалы по BDSM и теперь был настороже, как ёжик. Он с пониманием не стал расспрашивать дальше, думая про себя: «Он такой милый».

Вечером, после школы, как обычно, он проводил Линь Шисиня до автобуса. Всю дорогу Линь Шисинь изо всех сил старался улыбаться, находил темы для разговора, даже высказал свои

мысли о погоде в апреле. Ци Фэйжань, конечно, не заметил ничего странного.

Ци Фэйжань стоял под цветущей сакурой и махал ему на прощание. Линь Шисинь, выглядывая из окна автобуса, улыбался ему, но как только автобус повернул за угол, улыбка исчезла.

Он не хотел спрашивать Ци Фэйжана, почему тот использовал его как разменную монету. Он считал, что он не из тех, кто боится играть. Раз Ци Фэйжань ничего не говорит, он тоже не станет спрашивать.

Прошло две недели спокойствия. Каждый раз, когда Ци Фэйжань предлагал Линь Шисиню остаться у него ночевать, он отказывался. То Линь Юээ заболела, и он должен был за ней ухаживать, то ребёнок с почечной недостаточностью был в тяжёлом состоянии, и он должен был навестить его в больнице. Ци Фэйжань предлагал пойти с ним, но его снова отказывали.

Как бы хорошо он ни играл свою роль, через две недели стали появляться пробелы. Неудовлетворённость в душе часто проявляется через тело. Ци Фэйжань поцеловал его, заметив, что его взгляд блуждает, взял его за подбородок и нахмурился:

— Что случилось? Ты выглядишь озабоченным.

Линь Шисинь обеими руками отстранил его руку от своего подбородка:

— Всё в порядке, просто устал. Сегодня вечером тебе не нужно идти со мной, я пойду в больницу навестить Фаньсина.

Это был уже четвёртый вечер подряд, когда Линь Шисинь отказывался идти с ним. Ци Фэйжань сказал:

— Я пойду с тобой.

Линь Шисинь поспешно ответил:

— Нет, нет, он очень пугливый, не любит видеть незнакомцев, да и в реанимацию нужно продезинфицироваться перед входом, это очень хлопотно. Не ходи.

Ци Фэйжань внимательно посмотрел на него, а затем сказал:

— Ладно, тогда иди пораньше.

Линь Шисинь, глядя на его взгляд, понял, что сегодня вечером ему точно придётся пойти в больницу.

Действительно, проехав на автобусе меньше трёх остановок, он украдкой оглянулся и увидел Lexus Ци Фэйжана, который следовал за ним на небольшом расстоянии. Он усмехнулся и вышел на остановке у Дружественной больницы Цзиньчжао, опустив голову, вошёл в здание.

Инь Фаньсин уже спал. Линь Шисинь, стоя у окна на втором этаже, смотрел на главный вход больницы. Lexus стоял на противоположной стороне улицы. Ци Фэйжань, одетый в плащ, опирался на свою машину, вероятно, курил. После второй сигареты он сел в машину и нажал на газ.

Линь Шисинь быстро выбежал и прыгнул в такси, сказав водителю:

— Езжайте вперёд, догоните серую машину!

Если бы Ци Фэйжань просто следил за ним, он бы просто взял такси. Зачем ему было возвращаться в Виллу Кан, которая находится недалеко от школы, переодеваться и выезжать на своей машине?

Это означало, что сегодня вечером у него была другая встреча.

Такси поднялось на горную дорогу, сделало несколько поворотов и, наконец, высадило Линь Шисиня на обочине.

Под прикрытием соснового леса Линь Шисинь медленно подошёл к месту, где остановился Lexus — элитный оздоровительный клуб «Грин Мэнор».

Синий школьный костюм был слишком заметен. Линь Шисинь снял его, свернул в комок и бросил под дерево, затем незаметно прижался к стене и заглянул внутрь.

Ци Фэйжань открыл дверь машины, вытянув длинные ноги. У входа его уже ждали четыре-пять человек. Гу Юэ, одетый в шёлковую рубашку с глубоким вырезом и широкие брюки, с тонкой блестящей цепочкой на шее, потирал руки и радостно подбежал вперёд, услужливо сказав:

— Редкий гость, редкий гость! Наше заведение сияет от вашего присутствия, Ци Шао, прошу войти.

Ци Фэйжань кивнул, его чёрный плащ был расстёгнут, полы развевались на ветру. В сопровождении Гу Юэ и других он с улыбкой вошёл внутрь.

Линь Шисинь смотрел на его спину и впервые с удивлением заметил, что без школьной формы Ци Фэйжань уже не выглядел как ученик. На самом деле, он давно уже не был студентом, в нём чувствовалась аура зрелого мужчины.

Луна была яркой, звёзд мало, этот пригород был очень глухим. Пробыв здесь так долго, он не видел ни одной машины, ни одного человека. Линь Шисинь поднял голову и посмотрел на луну, решив подождать ещё десять минут. Возможно, Ци Фэйжань выйдет раньше.

|

<http://bllate.org/book/17671/1647166>